

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 43

В.А.ШНИРЕЛЬМАН

**БИКИНСКИЕ УДЭГЕЙЦЫ:
ПОЛИТИКА И ЭКОЛОГИЯ**

Москва 1993

Документ № 43

В.А.ШНИРЕЛЬМАН

**БИКИНСКИЕ УДЭГЕЙЦЫ:
ПОЛИТИКА И ЭКОЛОГИЯ**

**Работа выполнена при поддержке ассоциации
"Survival International" Лондон.**

БИКИНСКИЕ УДЭГЕЙЦЫ: ПОЛИТИКА И ЭКОЛОГИЯ

ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

В истории удэгейцев много загадочного. Более или менее точные сведения о них появились в письменных документах только в XIX в. Но племенные названия типа уди (удэ), удаха, удзи, а также кякар, фэха, воцзи, надежно связываемые с отдельными группами удэгейцев, время от времени фигурировали в китайских хрониках V, XII и XVII вв. Так тогда называли обитателей побережья Японского моря и их более западных соседей, занимавших практически всю территорию современного Российского Приморья вплоть до оз. Ханка на западе. Одно время ученые спорили о том, откуда пришли сюда предки удэгейцев - с юга или с севера. Сейчас установлено, что современное удэгейское население сложилось из многих компонентов, просачивавшихся в Приморье на протяжении двух последних тысячелетий как с севера из Приамурья, так и с запада - из Манчжурии (1). В ходе этих сложных многовековых миграций в состав удэгейцев вошли отдельные группы южных и северных тунгусов, айнов, нивхов, солонов. Некоторые авторы считают, что удэгейцы приняли к себе остатки беженцев из древнего чжурчжэнского государства, разгромленного монголами в 1284 г. В XVII в. Приморье подвергалось регулярным набегам манчжуров, что заставляло удэгейцев искать убежище в более отдаленных изолированных горных районах. Тем не менее вплоть до середины XIX в. удэгейцы сохраняли свою независимость, не платили ясак и не подчинялись никаким властям (2).

Ситуация изменилась в 1860 г., когда по Пекинскому договору, заключенному между Россией и Китаем, Приморье вошло в состав России. С этого времени Приморье стало объектом все усиливающейся русской колонизации. Несколько раньше сюда устремились китайские и корейские золотопромышленники, охотники, искатели жэньшеня. Они захватывали речные долины и нещадно эксплуатировали коренных обитателей. Вплоть до начала XX в. китайские колонисты успешно конкурировали с русскими. Они проникали на север вплоть до р.Бикин и р.Нахтоху, основывали там свои земледельческие поселки и подчиняли себе местных удэгейцев, заставляя их за бесценок поставлять себе собольи меха, панты, жэньшень : другие продукты леса. Приходя сюда холостыми, китайцы нередко брали в жены удэгейских женщин, дети которых, наряду с другими аккультурированными удэгейцами, положили начало новой народности. Она получила название "тазы" по китайскому термину да-цзы: так китайцы называли всех инородцев. В начале XX в. тазы широко расселились по Южному Приморью вплоть до 45 градуса северной широты. Уже тогда они полностью перешли на китайский язык

и, наряду с охотой и рыболовством, активно занимались земледелием, заимствованным у китайцев.

К северу от тазов обитали "настоящие" удэгейцы, тяготевшие к долинам таежных рек. Среди них выделялись следующие группы: 1) хунгарийская (в среднем течении р.Хунгари), 2) анюйская (в среднем и верхнем течении р.Анюй), 3) хорская (по р.Хор и ее притокам), 4) бикинская (в среднем и верхнем течении р.Бикин), 5) иманская (по среднему и верхнему течению р.Большая Уссурка), 6) самаргинская, или приморская (от р.Коппи на севере до р.Амгу на юге), 7) кур-урмийская (в низовьях р.Кур у ее впадения в р.Урми) (4). Это расселение было результатом отступления удэгейцев из долины Уссури на север и восток под давлением китайского и русского населения (5). Так, в низовьях р.Кур удэгейцы появились только во второй половине XIX в.

Колонисты не только притесняли удэгейцев, но и занесли к ним неизвестные ранее болезни. В 1874-1875 и 1882-1883 гг. эпидемии оспы унесли немало удэгейцев. А хищническая политика скупщиков пушнины, ведущая к расхищению природных ресурсов и закабалению коренного населения, создавала опасность голода. В 1906 и 1908-1909 гг. удэгейцы понесли значительный урон из-за голода. В итоге на рубеже XIX-XX вв. их численность сократилась с 1841 до 1110 человек, и к 1910-1917 гг. они недосчитались более дюжины кланов. Но еще в начале XX в. старые люди помнили то время, когда они были многочисленным и сильным народом (6).

ТАЕЖНЫЕ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ

Удэгейцы занимали особое место среди народов Дальнего Востока. В отличие от оседлых специализированных рыболовов типа нивхов, нанайцев и ульчей, они вели более подвижный образ жизни и не имели таких прочных долговременных жилищ. От эвенков, негидальцев и ороков, которые также вели подвижный охотничий образ жизни, их отличало то, что они не имели одомашненных транспортных оленей. Тем самым, удэгейцы являлись своеобразной группой, сохранявшей охотничье-рыболовческие традиции в наиболее чистом первозданном виде. Вплоть до первых десятилетий XX в. они жили небольшими стойбищами, которые в течение года по несколько раз меняли свое местонахождение в зависимости от сезонных особенностей хозяйственной деятельности. На таком стойбище жили от одной до нескольких семей, или, иными словами, несколько десятков человек. В каждую территориальную группу входило по 10-20 стойбищ, объединявших родственные семьи. При этом такие территориальные группы, приуроченные к речным долинам, отличались своими диалектами и особенностями культуры. Как писал один из лучших знатоков Приморья русский путешественник В.К.Арсеньев, "на каждой реке они имели особый говор. Прибрежные "намук" говорили языком,

отличным от своих сородичей на Бикине, удэгейцы с р.Имана едва могут объясняться с людьми на р.Анюе и Хунгари и т.д."(7).

В разных районах удэгейцы различались и по хозяйственной ориентации. Так, в прибрежной зоне, где наблюдался обильный ежегодный ход лососевых, лесные удэгейцы большое внимание уделяли сезонному интенсивному рыболовству и старались запастись на зиму побольше сушеной рыбы (юколы). До определенной степени это же наблюдалось на реках Хунгари, Анюй, Бикин, Самарга, куда также заходили кета и горбуша.

Все же во внутренних районах Приморья одним из основных источников пищи была охота. Удэгейцы занимались охотой круглый год, добывая мясо медведей, лосей, кабанов, изюбря, кабарги и некоторых других животных. Мясо никогда не запасали впрок. Более того, обычай запрещал охотнику брать с собой в дорогу сушеное мясо; в противном случае охота грозила окончиться неудачей. Добычу следовало делить между всеми соседями, что, кстати, встречается у удэгейцев и ныне. Поэтому на охоту необходимо было ходить достаточно регулярно. Охотой занимались, как правило, индивидуально. Это требовало превосходных знаний как ландшафта, так и повадок отдельных животных. Удэгейцы были непревзойденными охотниками и могли без труда по косвенным признакам (следам, запаху, примятой траве) определить пол и возраст животного и даже направление его движения. Традиционное вооружение охотника состояло из лука и стрел, копья и большого ножа. Ружья начали распространяться лишь со второй половины XIX в. Но даже и на рубеже XX в. многие охотники рассчитывали больше на копье, чем на ружье. Удэгейцы знали много разнообразных охотничьих приемов: они преследовали животных на лыжах по глубокому снегу, били их с лодок во время купанья, ставили хитроумные ловушки и самострелы, устраивали ловчие ямы. Об охотничьем искусстве удэгейцев с уважением писали манчжуры и китайцы еще в глубоком средневековье. Они с удивлением отмечали, что те не выращивали хлебов, но зато питались летом рыбой, а зимой - мясом диких животных; не тонули в глубоком снегу и проявляли завидное искусство в вождении лодок по бурным порожистым рекам (8).

Со второй половины XIX в. удэгейцы начали втягиваться в товарно-денежные отношения, что придало их охотничьей деятельности новые черты. Теперь они начали добывать панты и значительно усилили охоту на соболей. Общение с китайцами и русскими привело к росту потребностей в привозной пище и промышленных товарах. Как отмечал В.К.Арсеньев, на семью, состоявшую из трех взрослых и двух детей, ежегодно, кроме мяса и рыбы, требовалось товаров на 350 рублей (9). Эту-то сумму охотник и пытался добыть путем соболиной охоты. Впрочем, и в начале XX в. удэгейцы еще плохо представляли себе смысл денег и не умели их считать (10), что, безусловно, способствовало злоупотреблениям со стороны скупщиков пушнины.

Распространение ружей и развитие пушной торговли привели к расширению сроков охоты на соболей, которая с начала XX в. велась уже с осени до весны. Кстати, и ныне ее сезон открывается в двадцатых числах сентября, а заканчивается в марте. Итогом неограниченной пушной торговли стало браконьерство, которое почти полностью разрушило пушной промысел Дальнего Востока к 1917 г. (11), что потребовало последующего длительного восстановительного периода.

Рыболовством удэгейцы занимались, главным образом, летом и осенью. Основу рыболовецкого хозяйства составляла добыча осенней кеты в сентябре-октябре. Кроме того, ловили тайменя, ленка, щуку и пр. Интересно, что до тесных контактов с русскими удэгейцы не знали сетей. Зато они проявляли удивительное искусство в добыче рыбы с помощью остроги. Им была известна острога с отделяющимся наконечником, напоминающая гарпун. Такой острогой рыбу били с берега. Зимой удэгейцы занимались подледным лучением рыбы. Для этого над прорубью ставили палатку, в которой сидел рыбак, а другие мужчины гнали рыбу к проруби. Опытные рыбаки такими приемами ухитрялись добывать довольно много рыбы (12). Кроме острог, удэгейцы использовали крючковые снасти, плетеные ловушки, а в некоторых районах строили примитивные запоры. В тех районах, где рыболовство имело большое хозяйственное значение, люди заготавливали на зиму до 1500 - 3000 штук лососей на семью, что только и позволяло избежать голода.

В начале XX в. под влиянием русских и японцев у приморских удэгейцев возникло коммерческое рыболовство. Тогда-то они и заимствовали у русских сети.

Река служила удэгейцам не только источником рыбы, но и главной транспортной артерией, по которой передвигались в традиционных лодках-долбленках. Способность удэгейцев искусно управлять этими на первый взгляд весьма неустойчивыми суденышками не раз вызывала восхищение у сторонних наблюдателей. Удержать в ней равновесие было очень непросто, и удэгейцы с детства обучались этим необходимым навыкам. Ныне лодки делаются уже из досок и передвигаются с помощью мотора. Но и сейчас нельзя не удивляться, с каким умением и изяществом удэгейцы передвигаются в них по достаточно своенравным рекам, в чем мне самому неоднократно доводилось убеждаться.

Если охота и рыболовство являлись прерогативой, главным образом, мужчин, то женщины летом и осенью собирали разнообразные съедобные растения: вначале черемшу, дикий лук, дикий чеснок, подорожник, мяту, а, позднее - ягоды (боярышник, бруснику, клюкву, черемуху и пр.). Эти растения шли не только в пищу, но и использовались в лечебных целях. При этом тайна их лечебного применения тщательно охранялась от других народов. Наиболее важным из всех лечебных препаратов считался корень женьшеня, сбор которого

был и остается доступным только мужчинам и сопровождался массой поверий и ритуалов.

Основными поделочными материалами удэгейцам служили древесина, звериные шкуры и рыба кожа. В частности, из шкур животных и рыбьих кож женщины изготавливали разнообразные виды одежды. За это китайцы нередко называли удэгейцев "ю-ли да-цзы" (туземцы, одетые в рыбью кожу).

Короче говоря, лес был и остается главным источником всех жизненно важных ресурсов для местного коренного населения, и неслучайно они и ныне почитают тайгу как мать и кормилицу. В тайге удэгейцы чувствуют себя как дома. В прошлом они верили в свои тесные родственные связи с дикими животными и растениями, одухотворяли природу, населяли ее всевозможными "хозяевами", которым полагалось приносить регулярные жертвоприношения ради удачи в промыслах.

УДЭГЕЙЦЫ НА ВИРАЖАХ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА"

Эпидемии, голодовки, потери в годы гражданской войны привели к падению численности удэгейцев в первых десятилетиях XX в. В 1926 году их насчитывалось всего 1357 чел., т.е. по сравнению с концом XIX в. их потери составили около 500 чел., что по сути дела являлось катастрофой для такой небольшой популяции. В разрухе находилось хозяйство, значительно сократилась торговля, ухудшилось снабжение привозными продуктами (мукой, рисом, чаем, сахаром) и товарами, без которых удэгейцам уже трудно было обходиться. Хотя с конца 1917 г. ясак был отменен, уже в начале 1920-х гг. местные власти самовольно облагали коренное население новыми обременительными поборами, еще более усугублявшими и без того нищенское существование. Поэтому с середины 1920-х гг. Советское правительство начало проводить особую целенаправленную политику, чтобы улучшить условия жизни коренных народов северных окраин. Они были освобождены от воинской повинности, получили значительные налоговые послабления, а также доступ к льготному кредитованию. Борясь со злоупотреблениями, советские власти вели борьбу против частной торговли и к концу 1920-х гг. была установлена монополия государственных организаций на торговлю с народами Севера. В 1930 г. власти Хабаровского округа запретили ввоз и продажу спиртных напитков коренным жителям.

Одновременно была сделана попытка повысить роль аборигенов в решении своих собственных социально-политических и экономических проблем. Для этого начали создаваться национальные административные районы. В 1927 г. возникло два национальных удэгейских района: Самаргинский для самаргинских и приморских удэгейцев и Хоро-Бикино-Иманский для обитателей долин Хора, Бикина и Большой Уссурки. В 1931 г. эти районы были объединены в один

Сихотэ-Алинский район. Другие, более малочисленные группы удэгейцев вошли в многонациональные районы: анюйские - в Торгонский (Гольдский), а хунгарийские и кур-урмийские - в Амуро-Тунгусский район. Параллельно Советская власть стимулировала развитие кооперативного движения и создание промысловых артелей, которые зародились еще в начале века в связи с развитием коммерческого хозяйства (13).

Все эти меры сыграли в конце 20-х гг. положительную роль и привели к некоторому подъему традиционного хозяйства. Вместе с тем, с начала 1930-х гг. все более давала о себе знать командно-административная система, стремившаяся к жесткой централизации, унификации и огосударствлению всех сфер жизнедеятельности. Так как унитарному государству трудно было контролировать многочисленные мелкие общины, разбросанные в труднодоступных таежных районах, была сделана ставка на создание колхозов и укрупнение отдельных хозяйств. В итоге в 1930-е гг. на базе примерно сотни небольших удэгейских общин были созданы 7 колхозов, связанных, главным образом, с девятью крупными поселками (14). Так проблема перевода удэгейцев на оседлость была "решена" волевым усилием к началу 1940-х гг. Сихотэ-Алинский национальный район был упразднен в 1936 г.

Вместе с тем, решение одних проблем породило новые не менее сложные. Конечно, в крупных оседлых общинах было легче наладить снабжение промышленными товарами, медицинской помощью, дать детям современное образование. Вместе с тем, рост оседлости и концентрация населения в крупных поселках ухудшили доступ к отдаленным промысловым угодьям. Достаточно отметить, что с 1958 г. охотников стали доставлять на отдаленные промысловые угодья с помощью воздушного транспорта, что значительно повысило затраты и привело к резкому росту себестоимости пушнины. Все это создавало угрозу для нормального ведения традиционного хозяйства и повысило зависимость населения от нетрадиционных источников питания. А многонациональный состав крупных поселков поставил под вопрос нормальное бытование удэгейских культуры и языка.

В 1940-50-х гг. процесс укрупнения общин продолжался. К началу 1940-х гг. все хорские удэгейцы были сселены в поселок Гвасюги. В долине р. Бикин в 1950 г. две промысловые артели были слиты в единый многонациональный колхоз. И если в 1950-е гг. большинство бикинских удэгейцев обитали в двух различных селах Олон и Сяин, то в 1960-61 гг. жители Сяина были переселены в большой многонациональный поселок Красный Яр, построенный в 1958-59 гг. напротив села Олон. Тем самым концентрация населения в районе Олон - Красный Яр еще более возросла.

Завершение процесса огосударствления началось в 1962 г., когда на базе прежних колхозов стали создаваться хозрасчетные коопзверопромхозы и госпромхозы, работники которых окончательно превратились в государственных рабочих и служащих. При этом лесные

и речные угодья, а также недра, которые раньше формально были национализированы Советским государством, теперь уже фактически оказались в руках разнообразных государственных организаций и ведомств, что открыло им безграничные возможности их эксплуатации без всякого учета интересов местных обитателей. Кроме того, формирование крупных многонациональных хозяйств значительно усложнило инфраструктуру и повлекло резкое увеличение административного аппарата. Постепенно в последнем стало преобладать некоренное, главным образом русское, население, плохо понимавшее особенности культурных и хозяйственных запросов местных обитателей. Наряду с резкой централизацией и унификацией, это нарушало нормальное развитие традиционного хозяйства, подрывало его жизнеспособность. Так, упор на специализацию колхозов входил в противоречие с принципом гибкости, на котором только и могло строиться местное традиционное хозяйство. А это вело к упадку хозяйственной деятельности и убыточности колхозов. Например, в 1930-х гг. была сделана попытка сориентировать самаргинских удэгейцев на промышленное морское рыболовство. Однако в 1940-50-х гг. уловы прогрессивно падали, и хозяйство спасалось от разорения лишь интенсивным пушным промыслом. В итоге в 1957 г. колхоз был переориентирован на более привычный для удэгейцев охотничий промысел (15).

Столь же плачевно закончилась попытка вовлечь бикинских удэгейцев в интенсивное зерновое земледелие. Следует отметить, что огородничество возникло у иманских и бикинских удэгейцев еще во второй половине XIX в. главным образом под влиянием китайцев. Но оно играло второстепенную роль, а навыков хлебопашества у удэгейцев вовсе не было. Тем не менее в 1930-е гг. весьма популярной была идея о необходимости перевода всех "туземцев" Хабаровского края на развитие сельского хозяйства (16). В соответствии с этим в 1940 г. местные власти Пожарского района пытались навязать бикинским удэгейцам непосильные задания по выращиванию зерновых. И понадобилось несколько лет борьбы, прежде чем коренное население добилось в 1946 г. права на преимущественное занятие традиционными таежными промыслами (17).

Иначе складывалась история артели хорских удэгейцев "Ударный охотник". В 1963-67 гг. она имела обоюдовыгодные договорные отношения с госпромхозом "Лазовский" (р-н им. Лазо Хабаровского края). Однако в конце 1967 г. госпромхоз поглотил ее своим Гвасюгинским отделением. Это резко ухудшило положение удэгейцев-охотников. Дело в том, что в связи с повышением в 1968 г. закупочных цен на пушнину госпромхоз был заинтересован в интенсивной добыче соболей, что противоречило удэгейским нормам. Поэтому дирекция госпромхоза стала привлекать охотников из некоренного населения, отдавая им лучшие охотничьи участки и снабжая лицензиями на льготных условиях. В итоге заработки удэгейцев резко упали, они стали уходить

из госпромхоза, и к 1978 г. из 48 работников-удэгейцев осталось только 3. А их традиционные охотничьи угодья были переданы другим лицам. Лишь в 1985 г. вмешательство властей Хабаровского края помогло удэгейцам вернуть эти земли (18).

Еще более прискорбной оказалась судьба иманских удэгейцев. Образованная в 1932 г. их охотничье-промысловая артель "Удэхеец" не приносила ожидаемого дохода и была к концу 1930-х гг. перепрофилирована на развитие полевого земледелия, овощеводства и животноводства. Однако в ходе укрупнения колхоза за счет слияния с крупной русской общиной, произведенного в 1950-х гг., возможности для ведения традиционных промыслов резко упали, и часть удэгейцев начала переселяться в долину р. Бикин. В итоге в 1959 г. властям пришлось снова разделить укрупненный колхоз на две части. На базе одной из них возник удэгейский колхоз им. В.К. Арсеньева, сохранивший сельскохозяйственную специализацию. Однако в ходе нового огосударствления этот колхоз в середине 1960-х гг. был включен в многонациональный Красноармейский коопзверопромхоз (19). В этих условиях автономия удэгейцев и возможность поддерживать свои традиционные хозяйство и культуру были сильно урезаны. А впоследствии в связи с интенсивной вырубкой лесов государственными организациями по сути дела были уничтожены и традиционные промысловые угодья. Удэгейцам пришлось покинуть родные места и расселиться по другим районам. Так, в течение последних десятилетий полностью исчезла иманская группа удэгейцев вместе со своими специфическими культурой и языком.

Аналогичная судьба ожидала и сумаргинских удэгейцев. В 1980-е гг. уссурийская тайга стала предметом пристального внимания лесопромышленных организаций. В 1983-87 гг. варварским вырубкам подверглись леса в долине р. Сукпай, которая тем самым была безвозвратно утрачена для хорских удэгейцев. В 1988 г. лесопромышленники попытались перенести свою деятельность на р. Сумаргу, но обитавшие там сумаргинские удэгейцы выразили свой решительный протест. Они заявили, что отстают свои леса, даже если для этого придется пустить в ход огнестрельное оружие. В итоге в ноябре 1989 г. эти леса площадью 825 тыс. га были изъяты из ведения Минлесхоза и переданы удэгейцам (20). Удэгейцам помогла не только их решительная позиция, но и сложившаяся в разгар "перестройки" общественно-политическая атмосфера, заставившая теряющие силу власти с большим вниманием отнестись к земельным интересам коренных народов Севера.

Как бы то ни было, в ходе тех непростых и неоднозначных изменений, которые происходили в годы Советской власти, удэгейцы сумели сохранить свои традиционные хозяйственные навыки. Охота, рыболовство и собирательство и до сих пор являются одним из основных источников их пищевого рациона. Они также составляют ту единственную основу, на которой удэгейцы могут поддерживать свою

традиционную культуру. В последние годы у них наблюдается определенный "культурный ренессанс", стремление к восстановлению культурных традиций и возвращению к заветам предков. На этом фоне весьма показательны и демографические тенденции. За последние 60 лет численность удэгейцев росла, причем особенно быстро в течение последних 10-15 лет. К концу 1980-х гг. она наконец-то достигла отметки конца XIX в. и даже несколько превысила его. По переписи 1989 г. было выявлено более 1900 удэгейцев. Правда, сюда были включены и 300 тазов, которые в самые последние годы настаивают на своем этническом своеобразии и отделяют себя от "настоящих" удэгейцев.

УДЭГЕЙЦЫ ДОЛИНЫ Р.БИКИН СЕГОДНЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВОГО ВЫЕЗДА В СЕНТЯБРЕ 1992 Г.)

В результате отмеченных выше административных преобразований и переселений подавляющее большинство удэгейцев долины р. Бикин живут в настоящее время в поселке Красный Яр и, отчасти, в соседних поселках Олон и Верхний Перевал. В 1959 г. общая численность местных удэгейцев составляла 230 чел., а в настоящее время она приближается к отметке 300 чел. Сейчас - это самая крупная группа малочисленных народов Приморского края.

Поселок Красный Яр расположен на самом берегу р. Бикин, которая по-прежнему служит важнейшей транспортной артерией. Население поселка составляет около 700 человек. Это - главным образом, коренные жители, прежде всего, удэгейцы, а кроме того - нанайцы и орочи (в целом около 600 чел.). Кроме того, здесь живут русские, украинцы, белорусы, корейцы и т.д. В этом многонациональном поселке отмечается довольно высокий уровень смешанных браков, причем для удэгейцев характерны браки с нанайками - тенденция, отмечавшаяся и в прошлом (21). В семьях коренных обитателей насчитывается в среднем 3-4 ребенка, что свидетельствует о высоком уровне роста народонаселения.

Вместе с тем, в поселке накопилось множество непростых социально-экономических проблем. Главным работодателем и ныне является госпромхоз "Пожарский", в котором работают 100 жителей села. Большинство их - удэгейцы. В частности, это - 49 из 55 штатных охотников. Уровень безработицы в селе достаточно высок. И многие безработные мужчины живут, главным образом, зимней охотой на изюбрей, кабанов, соболя и т.д. Поэтому помимо штатных охотников, в долине р. Бикин ежегодно добычей занимаются до 170 сезонных охотников, тогда как, по расчетам специалистов, местные природные ресурсы допускают деятельность не более 77-86 охотников. Иными словами, это создает повышенную нагрузку на природную среду, в особенности в орехово-промысловой зоне средней части долины р. Бикин. Все это ведет к падению добычи, и ныне мясо на столе местных обитателей встречается не часто. В последние годы отмечается и

падение уловов рыбы, прежде всего осенней кеты. При официальном лимите 50 кг на 1 человека многим жителям сейчас не под силу выловить такое количество рыбы.

При этом государственное снабжение поселка продуктами питания и промтоварами в последнее время резко ухудшилось. Местный магазин поражает скудостью предлагаемой продукции. А сельская хлебопекарня занимается выпечкой хлеба с перебоями. Всё это придает традиционному жизнеобеспечивающему хозяйству особую ценность. Кроме того, важным подспорьем являются приусадебные участки, где люди выращивают картофель, кукурузу, капусту, тыкву, огурцы, помидоры и другие растения. При этом в уходе за огородом сейчас, наряду с женщинами, участвуют и мужчины, что означает отход от традиционного межполового разделения труда. Продукты огородничества стараются заготовить на зиму, в частности, солят капусту, огурцы, помидоры. Некоторые семьи заводят свиней и коров, но в очень небольшом количестве. Мясо и рыбу редко кто способен заготавливать впрок, так как традиционные способы их заготовки уже ушли в прошлое, а современные использовать невозможно из-за ненадежности холодильников в связи с перебоями в энергоснабжении. Впрочем, мясо удэгейцы и в прошлом не заготавливали, а делили между соседями. С этой точки зрения, определенную тревогу и возмущение у многих из них вызывает тот факт, что в последнее время некоторые удэгейцы стали заниматься продажей мяса в своем селе, так как это резко расходится с местной системой ценностей. Не меньшее осуждение вызывают у людей и появившиеся случаи воровства, столь же не соответствующие удэгейской этике.

Симптомами неблагополучия являются рост алкоголизма и появление наркомании. Наконец, следует отметить, что, как и у других северных народов, у удэгейцев в последние годы наблюдается вспышка туберкулеза. Причем заболеваемость туберкулезом у них в 5-6 раз выше, чем у русских. Удэгейцы связывают все это не только с накопившимися социальными и экономическими проблемами, но и с катастрофической утратой культуры и языка. В настоящее время, вследствие длительного обитания в многонациональных поселках и в результате обучения детей в интернатах подавляющее число удэгейцев полностью перешли на русский язык. Знание удэгейского языка сохраняют лишь немногие старики.

Все это вызывает у удэгейцев понятное беспокойство за свое будущее как особой этнической общности. Определенные предпосылки для культурного возрождения сложились в 1990 г., когда, благодаря демократическим выборам, руководителями госпромхоза "Пожарский" и сельского Совета стали выходцы из удэгейцев. Тогда же была организована Ассоциация коренных малочисленных народов, которую возглавил признанный лидер бикинских удэгейцев П.В.Суляндзига. А 20 марта 1990 г. на общем сходе жители поселков Красный Яр и Олон приняли решение о переименовании Красноярского сельского совета

в Красноярский национальный совет. Важно подчеркнуть, что именно на этом сходе среднее и верхнее течение р. Бикин и примыкающая к ним тайга были признаны жизненно важными для существования местного коренного населения. И сход потребовал закрепить эти земли за Красноярским национальным сельским советом.

За последние три года Ассоциация предприняла ряд мер по улучшению благосостояния и повышению занятости коренного населения: была организована система экологического и охотничьего туризма, началось строительство удобных жилищ для многосемейных. Кроме того, в 1992 г. были упразднены интернаты, а в школе и детском саду началось преподавание удэгейского языка. Начиная с 1990 г., в конце сентября в Красном Яре ежегодно для всех удэгейцев проводится праздник начала охотничьего сезона с проведением соревнований по национальным видам спорта. А в 1992 г. в него впервые были включены элементы традиционных ритуалов кормления воды и охотничьей удачи. Так маленький удэгейский народ, собрав все свои силы, пытается переломить неблагоприятную ситуацию, и, казалось бы, его мужественная борьба способна вызывать только искреннее уважение и желание помочь. Но вот на сцене неожиданно появляется новая грозная сила, способная поставить под вопрос саму возможность дальнейшего существования бикинских удэгейцев.

ДЕЛО ОБ СП "СВЕТЛАЯ"

Корни этой истории восходят к концу 1980-х гг., когда впервые был поставлен вопрос о создании совместного советско-южнокорейского предприятия "Светлая". Тогда в поисках выхода из надвигающегося экономического кризиса лесопромышленники края выдвинули идею создания СП, которое открывало путь к широкой торговле лесом на международном рынке и якобы сулило большие прибыли. Это обосновывалось также и стремлением избежать близящейся экологической катастрофы. Дело в том, что неожиданно для специалистов елово-пихтовые леса в верховьях р. Бикин и соседних районах начали в последние 5-10 лет сохнуть и вымирать. Леса эти одновозрастные и очень густые. А это, как считают некоторые специалисты, означает, что они могут погибнуть в течение очень короткого срока, не оставив ощутимого подроста. Следовательно, как решили лесопромышленники, необходима их скорейшая рубка, тем более, что неиспользование этих лесов ведет ежегодно к потере нескольких десятков млн. долларов. Разумеется, в намерения авторов проекта входила и регенерация лесов путем искусственных насаждений. Этому должно было служить использование щадящей природосберегающей скандинавской технологии, включающей сохранение молодой поросли, особые способы регенерации леса и ухода за ним. Притягательность идеи СП создавали и обещания построить дороги, лесопромышленные предприятия, направлять большие отчисления в социальную сферу.

Короче, как заявлял один из инициаторов создания СП генеральный директор ТПО "Приморсклеспром" Э.Ф.Грабовский, целью СП является "укрепление и развитие северных районов Приморского края при соблюдении законных прав и интересов коренного населения".

На первый взгляд все это выглядело достаточно убедительно и соблазнительно, и планы по созданию СП получили поддержку в ряде общесоюзных министерств и ведомств, у администрации края, и даже были одобрены некоторыми специалистами. Вместе с тем, нашлись достаточно въедливые и на редкость любознательные люди, которых не оставляла забота о том, какова будет реальная экономическая отдача от СП, в особенности, что касается Приморского края и северных его районов; каковы могут быть экологические последствия деятельности СП; наконец, как эта деятельность соотносится с реальными интересами коренных обитателей. Поэтому планы создания СП и начальные этапы его деятельности неоднократно обсуждались на краевом Совете народных депутатов и в его отдельных комиссиях, где, надо прямо сказать, уже с самого начала встретили мощную оппозицию.

В чем же дело? А в том, что Пэйское плато, лежащее в верховьях р. Бикин, представляет собой уникальный по своим природным ресурсам район России. Здесь располагаются самые южные в Азии участки вечной мерзлоты, связанные с системой болот, которые, наряду с заповедными девственными лесами, способными конденсировать влагу даже из туманов, питают р. Бикин и ее притоки. Массовые вырубki этих лесов приведут к оползням и интенсивной эрозии, нарушат хрупкое природное равновесие, создадут угрозу обмеления местных рек. Кроме того, будут уничтожены места обитания редчайших видов птиц (например, таких эндемиков как чешуйчатый крохаль и рыбный филин), разрушены естественные репродуктивные резерваты важнейших промысловых животных (в частности, в верховьях р.Бикин находится район обитания маточной популяции соболя), нарушены миграционные пути ряда важных животных и птиц, уничтожены расположенные в верховьях рек нерестилища. Наконец, это отразится на ареале уссурийского тигра, находящегося под защитой международного права. Все это, естественно, затронет и соседние участки Сихотэ-Алиня, скажется на заповедной фауне и флоре и, как предсказывают эксперты, приведет к труднопредсказуемым негативным экологическим последствиям.

Многие эксперты, анализировавшие документы СП, обратили внимание на неясность и неразработанность целого ряда важнейших элементов технологии. Вот, например, мнение заслуженного лесоведа РСФСР В.А.Розенберга: в усыхающих елово-пихтовых лесах имеется достаточно молодой поросли, обеспечивающей естественное восстановление леса. Но последнее будет обеспечено лишь в том случае, если во время рубок сохранится не менее 60% этого молодняка. В документах же СП "Светлая" нет описания технологий, гарантирующих сохранность последнего.

К сожалению, тревога маститого специалиста оказалась не напрасной. По данным еще более ранней экспертизы, сделанной в начале 1991 г. на месте, финская природосберегающая техника была уже выведена из строя, а рубки велись отечественной техникой, не обеспечивающей сохранность подроста. Там же, где он сохранялся, наблюдалось его усыхание из-за нарушения освещенности и повреждений, о чем ранее предупреждал другой независимый эксперт Р.В.Винник. По акту экспертизы от 3 апреля 1991 г. в Тернейском районе шла рубка живого леса, а не сухостоя, как было обещано. Временный поселок строителей возводился недалеко от нерестилища. Имелись и другие нарушения принятых в России правил вырубki.

Так как одной из очевидных слабостей проекта была неразработанность его экологической стороны, в 1990 г. в крае работали две государственные комиссии по экологической экспертизе: одна - московская, во главе с народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР Е.А.Гаер, другая - комиссия краевого Совета народных депутатов. Обе комиссии признали документацию СП неудовлетворительной, в особенности в ее экологической и экономической частях. В решении Совета государственной экологической экспертизы Государственного комитета РСФСР по экологии и природопользованию от 22 марта 1991 г. отмечалось, что в документации СП слабо проработаны экологические и природоохранные мероприятия; невразумительно обоснованы экономические расчеты; не учтены интересы коренного населения. Было рекомендовано опротестовать уже начавшуюся деятельность СП как незаконную, приостановить работы и безусловно исключить верховья р. Бикин из сферы деятельности СП "Светлая".

Вопрос об освоении лесосырьевой базы в верховьях р. Бикин (охотничье лесничество Верхнеперевальского лесхоза) играл особую роль в разгоравшихся баталиях. Дело в том, что за 30 лет СП предполагало освоить площадь размером около 440 тыс. га, заготовив там 48300 тыс. куб. м леса, львиная доля чего приходилась на верховья р. Бикин (62% площади и 66% лесозаготовок). Посягая на эти ресурсы, СП исходило из прежних реалий, связанных с приоритетом ведомственных интересов над интересами коренных обитателей, а его оппоненты уповали на изменения последних лет, значительно усилившие роль общественного мнения и повысившие самосознание отдельных народов и их стремление активно отстаивать свои суверенные права. Иными словами, СП строило свои планы без согласования с Пожарским районным Советом народных депутатов, в ведении которого и находятся верховья р. Бикин; без учета мнения обитателей этого района; в особенности, без учета нужд традиционного природопользования коренных народов, а также без глубокого изучения экологических последствий рубок и без стремления к глубокой переработке древесины на месте (а последнее, в особенности, делало договор невыгодным в целом для России и в частности для края). Кстати, еще 9 августа 1990 г.

после одного из очередных рассмотрений дела о СП Краевой Совет вынес решение, что "по предварительным расчетам...с предполагаемой территории вырубок лесов возможно аналогичное или даже большее получение валютных средств с меньшим воздействием на окружающую среду за счет сбора дикоросов, охоты, развития туризма и т.д."

А что же сами удэгейцы? Оставались ли они безучастными свидетелями разгоравшейся тяжбы? Нет, сознавая нависшую над ними реальную угрозу, они, наряду с остальными жителями Пожарского района, активно выступили против планов вырубок лесов в верховьях р. Бикин. Вскоре после того, как проект об учреждении СП поступил в Приморский крайисполком, население Красного Яра на общем сходе вынесло поистине историческое решение о придаче Краснояровскому сельсовету статуса национального, в ведении которого и должна находиться вся территория средней и верхней частей долины р. Бикин (20 марта 1990 г.). Важно подчеркнуть, что целесообразность закрепить за коренными народами указанную территорию была одобрена исполкомом Приморского краевого Совета (5 апреля 1990 г.) и Пожарским райсоветом (30 ноября 1990 г.). Справедливость такого решения была подтверждена специалистами-этнографами из Дальневосточного отделения АН СССР, которые подчеркивали, что изъятие верховий р. Бикин для лесоповала лишит удэгейцев около 50% своей промысловой территории, что неизбежно вызовет рост социальной и межэтнической напряженности.

В своих действиях бикинские удэгейцы исходили из двух весьма красноречивых прецедентов, разных по результатам. Им было хорошо известно, что, когда в прошлые годы леса были вырублены в долине р. Большая Уссурка (Иман), местные иманские удэгейцы были вынуждены переселиться. Их бывшая общность распалась, и они растворились среди иных групп населения. Напротив, когда в 1988 г. встал вопрос о рубке леса в районе р. Самарга, местные удэгейцы из поселка Агзу заявили бурный протест, в результате чего Госкомлес отказался от своих притязаний на местные леса, которые и были отданы удэгейцам. Однако дав слабину в случае с сумаргинскими удэгейцами, все еще могущественные лесопромышленные ведомства были не намерены отступать далее. Так, Минлеспром СССР выступил с возражениями против дальнейшего изъятия лесосырьевых баз, ссылаясь на неблагоприятные последствия этого для развития лесной промышленности, в частности, на возможное падение занятости среди работников этой отрасли. Этот же аргумент использовали председатель Приморского краевого Совета А.Волынцев и председатель Приморского крайисполкома В.С.Кузнецов в письме в Совет Министров СССР от 3 мая 1990 г., вполне откровенно указывавшие на то, что передача верховьев р. Бикин коренным жителям находится в противоречии с интересами Агропромсоюза и лесозаготовительных отраслей и перечеркивает возможность создания СП (здесь неплохо бы вспомнить

уверения Э.Ф.Грабовского о "соблюдении законных прав и интересов коренного населения"!).

Кстати, в связи с вышеуказанным весьма сомнительными оказываются и действия Приморского крайисполкома в лице заместителя его председателя Б.Ф.Беспалова, который, подписывая 5 апреля 1990 г. просьбу об аннулировании лесосырьевых баз в верховьях р.Бикина, практически одновременно (30 марта и 3 апреля) одобрил создание СП "Светлая". Такая противоречивость в решении исполкома и позволила отложить вопрос об этих лесосырьевых базах, что и сыграло фатальную роль в последующем развитии событий.

Между тем, пытаясь вывести удэгейцев из-под удара, Приморский краевой совет своими решениями от 11 марта и 14 апреля 1992 г. обязал главу администрации края В.С.Кузнецова разработать положение о территории традиционного природопользования на р.Бикин, рекомендовав включить в этническую территорию как среднее, так и верхнее течение р.Бикин. Но понадобился еще указ президента Б.Н.Ельцина "О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера" от 22 апреля 1992 г., чтобы В.С.Кузнецов издал наконец 11 июня 1992 г. свое постановление N 165, где своей волей определил территорией традиционного природопользования лишь среднее течение р.Бикин, т.е. 407,8 тыс. га вместо 1250 тыс.га, как того справедливо требовали удэгейцы. Вопреки президентскому указу это волевое решение было принято без предварительного обсуждения с Ассоциацией коренных малочисленных народов, без учета мнения самих удэгейцев и даже вопреки этому мнению, которое Кузнецов, безусловно, прекрасно знал. И нет никаких сомнений, что, делая этот шаг, глава Приморской администрации руководствовался прежде всего интересами лесопромышленников.

Постановление N 165 развязало руки лесопромышленникам, которые, изначально неверно оценив лесные запасы соседнего Тернейского района, к лету 1992 г. полностью завершили там лесодобычу и могли понести большие убытки, потеряв верховья р.Бикин. Имея это в виду, В.С.Кузнецов издает 21 июля 1992 г. распоряжение N 455-р, требующее выделять лесосечные фонды в верховьях р.Бикин для СП "Светлая". И это - вопреки рекомендациям экспертов, вопреки решениям Пожарского райсовета, вопреки решению Приморского краевого совета и, наконец, вопреки интересам коренных обитателей! Какими правовыми нормами руководствовался В.С.Кузнецов, совершая этот шаг? К сожалению, он смог опереться на непоследовательную, если не сказать большего, политику Государственного Комитета по лесу, который по-началу неоднократно заявлял о недопустимости рубок в верховьях р.Бикин и о безусловном соблюдении прав и интересов коренных малочисленных народов (письма зам. пред. Госкомлеса В.И.Сухих от 2 апреля 1990 г. и 3 июля 1990 г. и зам. пред. Госкомлеса Б.К.Филимонова от 4 июня 1992 г. и 10 июня 1992 г.), а 26 июня 1992 г.

устами зам. пред. Госкомлеса П.М.Барсукова в ответ на просьбу Министерства экономики разрешил начало рубок в указанном районе.

Распоряжение Кузнецова положило начало новому витку в эскалации конфликта. 8 августа 1992 г. вооруженные удэгейцы начали пикетирование района предполагаемых вырубок, а начиная с 10 августа, они заявили свой протест у здания Краевой администрации во Владивостоке. Здесь не лишне отметить, что действия удэгейцев нашли полное одобрение у населения Пожарского района, их с пониманием встретило население Владивостока, оказать помощь удэгейцам вызвалось и уссурийское казачество. В их поддержку выступил советник президента РФ А.В.Яблоков. Права удэгейцев очень энергично отстаивает Е.А.Гаер. Краевой совет народных депутатов на своем заседании 24 июля 1992 г. отменил распоряжение N 455-р главы администрации как противоречащее законодательству РФ и ранее принятому решению Краевого совета. Малый Совет Пожарского райсовета вынес 26 августа 1992 г. специальное решение, запрещающее какую бы то ни было деятельность СП "Светлая" в верховьях р.Бикина. В особенности показательна реакция администрации и населения поселка Светлая Тернейского района, которые в свое время дали согласие на лесозаготовительную деятельность СП "Светлая", а сейчас в связи с последними событиями заявляют свою неудовлетворенность деятельностью СП, которое не выполняет своих обещаний по природоохране и развитию социальной сферы в поселке. Отмечается и дискриминация против российских граждан, занятых в СП.

Тем временем не дремала и другая сторона. В.С.Кузнецов подал иск в суд Приморского края о признании недействительным решения Краевого совета об отмене распоряжения N 455-р и выиграл дело, ибо суд опирался на его же постановление N 165, а также устаревший порядок, по которому лесосырьевые базы в верховьях р.Бикин принадлежали Светлинскому леспромхозу. При этом суд не учел современных подходов ни к экологии, ни к территориям традиционного природопользования, в особенности же того, что с иском о признании недействительными соответствующих распоряжений Кузнецова к нему обратилась и Ассоциация коренных малочисленных народов. Этот иск должен был рассматриваться судом Приморского края осенью 1992 г. Одновременно от Краевого совета в Верховный Суд РФ была направлена кассационная жалоба. Она рассматривалась в Верховном Суде 27 ноября, в результате чего дело было возвращено в Приморский Краевой суд на доследование.

Между тем, удэгейцы настроены весьма решительно. Они пишут обращение к общественности, ко всем людям доброй воли, еще раз отмечая, что долина р.Бикин является родиной их предков и должна безусловно сохранить свое значение в качестве района традиционного природопользования. "Тайга,- пишут они, - наша спасительница. Ее нельзя оценивать в деньгах. Это - наша жизнь, наш родной дом, наша кормилица. Вырубят тайгу - исчезнут бикинские удэгейцы". И это- не

пустые слова. Маленький, но отважный народ доведен до отчаяния бумажной волокитой и чиновничьими играми. Старики-удэгейцы готовы с оружием в руках защищать свои леса, ибо понимают, что без тайги не жить ни Бикину, ни их внукам.

Между тем, пока развиваются эти события, к заповедному району расселения орочей, что у Советской Гавани, присматривается американская лесодобывающая компания Уэйерхаузер, уже принесшая невосполнимый ущерб лесам Северной Америки... А в Верхнебуреинском районе Хабаровского края активно действуют лесорубы российско-норвежской компании "Старма-Холдинг".

Вместе с тем, судьба сибирской тайги вызывает все большее беспокойство у международной общественности. Американские, скандинавские и ряд других экологических организаций уже неоднократно выражали тревогу в связи с угрозой, нависшей над российскими лесами. Английская правозащитная организация "Международное выживание" начала кампанию в поддержку справедливых требований удэгейцев. В настоящее время, вероятно под давлением общественности, Приморский краевой суд отложил окончательное обсуждение дела о СП Светлой, а Совет национальностей Верховного Совета РФ приостановил работы компании в ожидании решения суда. Тем не менее успокаиваться рано, ибо борьба за права удэгейцев продолжается. Уже в начале 1993 г. запрос правительства РФ в различные министерства и ведомства о состоянии рассматриваемой проблемы вызвал неоднозначную реакцию. Администрация Приморского Края, а вслед за ней Министерство экономики и природных ресурсов и Рослеспром выступили в защиту СП, тогда как Роскомсевер, Федеральная служба лесного хозяйства и Минприроды поддерживали справедливые требования удэгейцев. Следовательно три года упорной борьбы потрачены почти впустую - воз и ныне там.

РЕКОМЕНДАЦИИ

То, что произошло с удэгейцами, - лишь один из примеров посягательства крупных российских и зарубежных промышленных компаний на земли традиционного природопользования с целью получения максимальных прибылей и дешевого сырья в максимально короткие сроки. Хищническая деятельность промышленников - далеко не чисто российская проблема. Факты варварского уничтожения лесов хорошо известны, в частности, на территории США и Канады; под угрозой гибели оказались в последние десятилетия влажные тропические леса, в особенности, в Юго-Восточной Азии и Южной Америке, причем на Соломоновых островах этим "успешно" занималась знакомая нам компания Хендэ. Учитывая огромную оздоровительную функцию лесов ("леса - легкие планеты"), нетрудно понять, что массовые вырубки способны привести к глобальной экологической катастрофе.

Российские леса имеют принципиальное значение, ибо это сегодня - самые крупные лесные массивы в Северном Полушарии. Они-то и наиболее уязвимы в условиях происходящих ныне социально-экономических перемен, ставящих на первое место погоню за сиюминутной прибылью.

Мировое сообщество уже давно осознало эту угрозу, и не случайно американские экологи и защитники леса с небывалой энергией выступают в защиту сибирских лесов, в целом, и лесов Приморья, в частности. Защитники лесов и невозобновимых природных ресурсов хорошо осознают, что лишь местные обитающие на своей земле из поколения в поколение, способны максимально эффективно оберегать природные запасы, от которых зависит их собственная жизнь и жизнь их потомков. И это в первую очередь относится к народам Севера, которые и поныне сохраняют приверженность к своему традиционному хозяйству, основанному на охоте, рыболовстве, оленеводстве и собирательстве. Вот почему передача земель традиционного природопользования под юрисдикцию самих этих народов имеет сейчас такое большое значение, причем не только для самих этих народов, но и для населения всего мира.

Разумеется, особенности такой передачи и сама ее процедура - очень непростые вопросы, требующие детальной разработки и обсуждения. Здесь представляется возможным лишь высказать следующие рекомендации самого общего порядка.

1. Указ Президента от 22 апреля 1992 г. должен опираться на детально разработанную законодательную основу. К этой работе необходимо привлечь профессиональных юристов, экономистов, этнографов и, разумеется, представителей коренных народов Севера.

2. При разработке законодательства важно избегать жестких формулировок, ибо на местах встречаются очень разные условия, и именно само коренное население данного района или данной местности должно в конечном счете решать, какую форму примет собственность на землю и кто будет ее субъектом. Следует учесть, что в условиях отмеченных выше форм традиционного хозяйства поколения местных обитателей выработали свои особые системы ценностей и порядки землевладения и землепользования, которые по ряду позиций сильно отличаются от норм, принятых в европейских и североамериканских законодательствах и рассчитанных на совершенно иные взаимоотношения с окружающей природной средой.

3. Очень сложной является проблема собственности на недра. В ряде зарубежных стран, например, в Канаде правительства стараются отдавать аборигенам лишь те ресурсы, которые располагаются на поверхности земли. Недра же, равно как и леса, остаются под юрисдикцией государства, причем их разработка имеет приоритет над традиционным пищедобывающим хозяйством. Естественно, что это вызывает конфликты между коренными народами и промышленностью. В нашем законодательстве тоже противопоставляются права на

территорию (т.е. использование природных ресурсов на поверхности земли) и права на землю (а они включают и недра). Думаю, что коренному населению следует отдать все, включая и недра. Но при этом в законодательстве следует оговорить определенные формы государственного контроля в виде государственной экологической и технико-экономической экспертизы, а также налоговых отчислений от промышленных проектов. Лишь такой подход способен достичь оптимального баланса между общегосударственными и местными интересами. В настоящее же время в законодательстве и практике имеется явный перекос в сторону государственных структур, которые заключают или одобряют договоры о промышленных разработках, никак не учитывая интересы коренного населения. В итоге последнее получает лишь жалкие остатки прибыли и остается наедине с донельзя разграбленной природой. Следовательно, настоятельно необходимо специальное законодательство о промышленных разработках на землях традиционного природопользования.

4. В ряде случаев, по-видимому, понадобится и детальное законодательство о соотношении прав коренных и пришлых охотников и рыболовов, особенно необходимое в условиях развития иностранного туризма, включающего спортивные охоту и рыболовство. Здесь примером могут послужить законы Канады и США, где при численном сокращении каких-либо хозяйственно важных видов приоритет в их дальнейшем использовании принадлежит жизнеобеспечивающему хозяйству коренного населения.

5. Необходимо шире привлекать коренных обитателей к охране природной среды. Впрочем положительное решение земельной проблемы в пользу коренного населения и развитие местного самоуправления, возможно, решит этот вопрос автоматически. Тем не менее важной задачей останется экологический всеобщий курс, требующий введения специальных учебных курсов, включающих как традиционные знания о природной среде и взаимоотношениях с ней, так и знакомство с важнейшими достижениями современной науки.

6. Возможно, кое-где для охраны природы и прав коренного населения необходимо будет создать систему национальных парков, заповедников и заказников. Все это также потребует детально разработанного законодательства, оберегающего природу и коренное население от произвола и злоупотреблений со стороны пришлого населения и государственных чиновников.

7. В любом случае весь комплекс мероприятий, направленных на защиту как природной среды, так и коренного населения, нуждается в выделении значительных финансовых средств. Особенно следует отметить, что, как учит международный опыт, нельзя экономить на проведении подготовительных исследовательских работ, без которых эффективная разработка систем природопользования и землеустройства не реальна.

Не пора ли России всерьез заняться вопросом об охране своих ценнейших невосполнимых природных ресурсов и разработать не на словах, а на деле гарантии прав коренных малочисленных народов на сохранение своих уникальных хозяйственно-экологических комплексов и культурного наследия?

Приношу огромную благодарность В.Ф.Старцеву и С.М.Смиренскому, оказавшим мне неоценимую помощь по сбору информации о деятельности СП "Светлая". Я также благодарен Президенту правозащитной организации "Международное выживание" Р.Хэнбэри-Тенисону за предоставленную мне возможность посетить северные районы Приморского края для сбора материалов о современном положении удэгейцев. Организация этой поездки была бы невозможной без всемерного содействия со стороны Е.А.Гаер и Ассоциации коренных малочисленных народов Приморья во главе с П.В.Суляндзига, которым я также с удовольствием адресую слова благодарности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) В.К.Арсеньев. Лесные люди удэгейцы. Владивосток, 1926, с.8; В.Г.Ларькин. Удэгейцы. Владивосток, 1958, с.5-7; История и культура удэгейцев. Л., 1989, с.15-24.
- 2) Н.К.Бошняк. Экспедиция в Приамурском крае // Морской сборник, 1859, т. 40, N 3 (март), с.223.
- 3) В.К.Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. М., 1950.
- 4) В.Г.Ларькин. Указ. соч., с.8-10.
- 5) В.К.Арсеньев. Лесные люди...с.6; Народы Дальнего Востока СССР в XVII-XX вв. М., 1985, с.76.
- 6) В.К.Арсеньев. Лесные люди...с.10; его же. В дебрях...с.444.
- 7) В.К.Арсеньев. Лесные люди...с.13.
- 8) История и культура...с.17, 20.
- 9) В.К.Арсеньев. Лесные люди...с.20.
- 10) В.К.Арсеньев. В дебрях...с.503, 506.
- 11) История и культура...с.32-33.
- 12) В.К.Арсеньев. В дебрях...с.388, 482-483; История и культура...с.33.
- 13) В.Г.Ларькин. Из истории социалистического строительства среди удэгейцев // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958, с.432-437.
- 14) История и культура...с.115-126.
- 15) Там же, с.122-123.
- 16) Г.Соколов. Туземцы Хабаровского округа // Советский Север, 1930, N 6, с.52.

- 17) История и культура...с.123-124.
- 18) Там же, с.118-119.
- 19) Там же, с.124-125.
- 20) Устное сообщение А.Ф.Старцева.
- 21) Ю.А.Сем, Л.И.Сем. У нанайцев и удэгейцев бассейна реки Бикин // Записки Приморского филиала Географического общества СССР, 1965, т.1, вып.24.